

Максим Осипов
ЗЯБКО, СТЫДНО, ОСВОБОЖДЕННО
путевой очерк

Тремя словами, вынесенными в заглавие, заканчивается книга Себастьяна Хафнера «История одного немца», написанная перед Второй мировой войной. Книгу эту о становлении фашизма мы с увлечением читали в прошлом году, искали и находили в ней совпадения с реальностью, в которой жили в последнее время. Теперь же многим из нас, отправившимся кто куда — в Ереван, Тбилиси, Баку, Астану, Стамбул, Тель-Авив, Самарканд, — пришлось ощутить своей кожей и эти слова Хафнера: *frostig, beschämt, befreit*.

Мы — это уехавшие (удравшие, сбежавшие) из страны вскоре после того, как она напала на Украину. Мы ненавидим войну, ненавидим того, кто ее развязал, и мы не собирались покинуть родину (отчизну, отечество) — все слова, какое ни возьми и с какой буквы, прописной или строчной, ни напиши, испачканы, обесчещены. Искушение смотреть на себя как на цвет нации («Философский пароход», «Мы увезли Россию с собой» и прочее — раздаются и такие нетрезвые голоса) надо отмести как опасную чушь. Есть выражение: когда ты проигрываешь, становится ясно, чего ты сам стоишь, — скоро мы это поймем. Потому что мы и есть проигравшие, исторически и духовно. Сотни тысяч, миллионы людей, наших единомышленников, остались там, откуда мы бежали, — они заняты делом: лечат людей, заботятся о родителях-стариках, друг о друге. Но как бы уехавшим ни было стыдно перед оставшимися, хорошо бы помнить, что водораздел между соотечественниками проходит сейчас совсем в другом месте: между теми, кто против этой войны, и теми, кто за.

— Куда летите? — спрашивают на границе.

Хочется ответить: не куда, а откуда. Но говоришь:

— В Ереван, в отпуск.

Тех, кто помоложе и едет в одиночку, отводят в сторону, учиняют допрос, исследуют содержимое сумок, сотовых телефонов. Как говорят, ищут тех, кто собирается воевать на стороне Украины, но (эксцесс исполнителей) увлекаются, наслаждаясь унижением мальчиков и девочек из хороших семей: если в отпуск, то для чего дипломы, свидетельства о рождении, старые письма и фотографии, собаки и кошки? Почему билет в одну сторону, и стоило ли на него тратить тысячу долларов? — Стоило, товарищи, еще как.

Чехарда с рейсами: часть из них отменяется, некоторые самолеты разворачиваются в воздухе и летят обратно в Москву. Большинство пассажиров — молодые люди. Для них это поворот биографии и, возможно, не самый плохой, а для нас, для людей постарше, — обрушение жизни. Из забавного: на рейсе Москва—Ереван ни одного армянина. Забавное на этом кончается.

1.

Первые дни войны прошли в оцепенелом слушании новостей, в составлении и подписывании антивоенных писем, в потреблении больших количеств воды (алкоголь не успокаивал и не пьянил), в попытках что-то важное зафиксировать, удержать (нарушилась краткосрочная память), дозвониться живущим в Украине знакомым. Кстати сказать, переход с «на» на «в», которому раньше язык противился, теперь не составил труда.

О настроении сограждан: те, у кого в Украине родственники (таких меньшинство), страшно удручены. Но многие и воинственны, неуспехи атак на Киев объясняют гуманностью русской армии. «Овощи борщевского набора» — прилетело из телевизора (нельзя, мол, позволить им, овощам, дорожать) — хорошее, звучное обозначение для сторонников этой войны и всего остального, любого, что делает власть. *Кровь Его на нас и на детях наших*: из кого состоял тот сброд, что вместо пасхального седера приплелся к дворцу прокуратора? «Овощи борщевского набора» присутствуют во все времена и в любой нации. Опора, основа цивилизации, обыватели, в такие моменты, как нынешний, становятся нежитью, нечистью, массово. И вот результат — невинная кровь на нас и на детях наших и детях наших детей.

Произнося слова «овощи» и «они», мы становимся на зыбкую почву (не расчеловечивайте оппонентов!), но это война, гражданская в том числе, и не мы ее начали. Поздно вести разговоры, сейчас каждому приходится выбирать сторону, поздно винить себя: не смогли предложить ничего привлекательного, не написали демократических песен, а идея жить по-человечески оказалась им не близка.

Иногда не спасают и родственники.

— Мама! — кричит в телефон девушка, живущая в Киеве. — Нас бомбят!

— Ошибаешься, деточка, — отвечает мама, она в Петербурге. — Мирных людей не трогают, передавали по телевизору.

Существует и такая форма поддержки войны, относительно мягкая, женская: скорей бы, честное слово, уже все закончилось, а всей правды мы все равно не узнаем, правду знает лишь Бог. Пусть так, но разве это с нас снимает ответственность ее искать? Да и Бог не джокер, чтобы в нужную минуту его вытаскивать из рукава.

Удушье, стыд, ненависть — главные слова тех дней. В самом начале марта разнесся слух, что вот-вот объявят военное положение. На улицах городов появились буквы Z — и фантастический, прежде непредставимый лозунг «Нам не стыдно». Пружина внутри сжалась и отказывалась разжиматься. Стал понятней Ян Палах, студент, который в дни разгрома Пражской весны сжег себя. Нас опять загоняют в грязное, душное стойло, даже грязнее того, в котором мы родились. Чтобы наших детей и внуков выстраивали буквой Z? — да не будет так!

Сборы заняли всего день. Если б ты помер, то что бы с собой захватил? Постоять в темноте, в тишине, подышать холодным тарусским воздухом, поклониться могилам родителей. Прощание с домом, с предметами дается легко: до сантиментов ли, когда на Харьков и Киев, на Мариуполь и Львов

падают русские бомбы? Москва: пришлось пересечь ее по дороге в аэропорт. Хотя ты родился тут, и учился, и жил, она давно уж воспринимается как город враждебный, вражеский. Больно расставаться с людьми, невозможно, с Москвой — легко.

Рейс в Ереван вылетает по расписанию. Чувства? То ли знал, что должны быть чувства, то ли они и правда были — поди разбери. Сильнее всего — любопытство: словно дали взглянуть, какой будет жизнь после смерти. В остальном — рейс как рейс, только лететь не два, как обычно, а (в обход Украины) четыре часа.

2.

Наши израненные души ищут покоя вот именно за такими кремовыми шторами... — это уже Ереван. Он встретил нас вкусной едой, весной, сильно выросшими ценами на жилье, возможностью перевести дух. Справиться — и физически, и морально — без помощи живущих тут близких друзей было бы, однако, почти невозможно, спасибо им.

По центру Еревана бродят группки москвичей, много знакомых лиц — бросаешься позвать руку, но останавливаешься: имя забыл. Мы учащенно дышим, у нас сохнет рот, в руках бутылки с водой и сотовые телефоны (помогают найти путь), у многих потрескались губы от нервного их облизывания. Масок никто не носит: на фоне этой войны даже коронавирус представляется далеким нестрашным прошлым, чем-то вроде *детских припухлых желез*.

Масштаб катастрофы (напомним: приехали те, кто неделю назад и не думали уезжать) становится нам понятней в среднем на третий-четвертый день, когда появляется время остановиться, задуматься, в частности, о собственной жизни, оценить серьезность того, что произошло.

Разговоры в кафе: задержаться тут или перебираться в Тбилиси? — там русских не слишком жалуют, зато Грузия не находится в такой зависимости от Москвы. — Зачем ограничиваться Европой? Давайте подумаем об Уругвае. — Или Колумбии. — А мне предложили туберкулез лечить в Сомали.

— Здорóво, дезертиры! — вошедший в кафе дядька громогласно приветствует группку молодых людей хипстерской внешности. Молодые люди вежливо улыбаются, но не смеются, шутка не удалась.

Одни уже занялись в Ереване делом: устраиваются на работу в хранилище древних рукописей или архитектурные бюро, организуют театральные кружки, ищут русскоязычного футбольного тренера для детей, учат армянский язык (пока — алфавит) и читают вслух вывески и названия улиц. Другие жалуются на невозможность снять деньги, открыть счет в местном банке, жалуются тихо: всем понятна необходимость соизмерять свои невзгоды с теми, что испытывает Украина. Кто-то плачет: семья разрушится, муж в Москве, сыну на днях исполнится восемнадцать, а он стремится назад, в институт. Кому-то уже требуется психиатр: бред вины, попытки самоубийства. И все это — за неполные две недели войны. Какое же количество бед принес один весьма посредственный человек (его предпочитают не называть по имени) десяткам миллионов людей — украинцам в первую

очередь, но и скольким русским он повредил — кому рассудок, а кому, как нам, жизнь. Кто он такой и почему при всей своей педантичности, осторожности, совершил такие грандиозные ошибки? Ошибки, которые вот-вот приведут к тому, что страна, по слову Розанова, *слиняет* в несколько дней? Кого из литературных персонажей он напоминает нам?

Беспородный сотрудник госбезопасности по кличке Моль, он рассматривал европейский мир по западногерманскому телевидению, мечтая, наверное, когда-нибудь стать его частью и жить, например, в Штутгарте. Затем еще что-то делал, даже, вроде, водил такси, о чем почему-то рассказывает со смущением, потом стал во главе страны, заскучал, начал играть на рояле «Мурку» двумя пальцами и забрасывать за матч по двенадцать шайб. Двадцать лет развращал людей, потом еще сильнее заскучал, а тут еще этот ковид. Не только развращал, но и убивал, конечно. Но без азарта, азартен не был, больше брезглив. А потом он — человек без тени начитанности на лице — что-то прочел (или пересказали), каких-нибудь графоманов-философов или фантастов. И произошло с ним то, что бывает с русскими людьми, не умеющими отличать сказку, вымысел от реальности, как это случалось с героями Андрея Платонова, только они в большинстве своем чистые, светлые люди, а он — темный, плохой. Так что более близкий пример — Смердяков. Иван Карамазов витийствует и сочиняет поэмы, а Смердяков берет пресс-папье и бьет Федора Павловича по голове — раз, другой.

Кто в нашем случае выступил Иваном, наболтавшим сладких сказок про «русский мир»? Этого мы не знаем: философ Ильин, Солженицын, бизнесмен-графоман Юрьев, ученики методолога Щедровицкого? Нынешний ли патриарх или неизвестные старчики сбили нашего Смердякова с пути («С умным человеком и поговорить любопытно», Ганди, где Ганди, ау!)? Надо отметить и еще один пункт совпадения со Смердяковым литературным: оба отлично чувствуют низкое, низменное в других людях, моментально находят в них слабинку.

Пятое марта. На этот день, как потом на шестнадцатое (праздник Пурим), возлагались большие надежды.

Вздых за соседним столом:

— *Дни наши сочтены не нами...* — сразу видно, гуманитарий.

— Тот подох, подохнет этот! — И звон бокалов.

Смерти диктатора желают повсюду, в том числе у него дома, в Москве, и это порождает такие, например, истории. У одной очень милой москвички-редактора есть набожная подруга, назовем ее Ольгой Владимировной (имя изменено, отчество нет). Вскоре после начала войны редактор получает сообщение от Ольги Владимировны, та просит ее сходить в храм и заказать сокоуст по новопреставленному Владимиру. Она немедленно выполняет поручение подруги и звонит выразить соболезнования: она и не знала, что Владимир Александрович скончался. — Что, сердце? — После паузы Ольга Владимировна отвечает: ты думаешь обо мне лучше, чем я есть на самом деле. (Молиться о живых как об умерших, заказывать по ним панихиды, ставить

свечки вверх ногами — народные способы сжить человека со света, веками проверенные.)

Исхожены улица Туманяна и проспект Маштоца, осмотрен Эчмиадзин, совершены поездки в Гарни и Гегард. Туристические впечатления, однако, и вообще-то нестойки, а теперь для них совсем не находится места в душе. Скорее к компьютеру — письма писать, слушать новости.

А новости таковы, что армию нашу ждет, по-видимому, поражение. Радоваться ему трудно, но победа была бы намного страшней. Ощущение провала возникло уже в первые дни войны и со временем только усилилось. И потому что сила русской армии явно переоценена, и потому что сам образ ее, придуманный пропагандой («вежливые люди» времен аннексии Крыма), совершенно ложный. Он отличается не только от истинного положения вещей, но и от того, что создала русская литература, военные песни и советский кинематограф: несовершенное обмундирование, но и особенный юмор, и свистульку мальчику ножиком вырежет, и своя философия. Много человеческого и мало бравости: «Он стоял, тельняшка полосатая пятнами густыми запеклась...» Вежливый человек, напротив, абсолютно холоден, самодостаточен, низ лица у него прикрыт черной повязкой, за спиной рация, на груди огнемет последней модели, под гимнастеркой, наверное, кондиционер. Он не испытывает ни жажды, ни голода, не нуждается в женщинах и вообще ни в ком, и если получит задание, то движением руки уничтожит город. Перед нами пародия — то ли на компьютерную игру-стрелялку, то ли на дешевый голливудский фильм, но люди во главе с Верховным главнокомандующим поверили и в нее.

Попутное соображение: нынешняя война — серьезный удар по Дню Победы, главному русскому празднику. Дети, внуки ветеранов пишут: хорошо, что папа, дедушка не дожил. Невозможны стали и песни военных лет.

Как бы не было тебе в Ереване тепло, настает пора уезжать и отсюда.

— *Барев дзез* (здравствуйте), — говоришь пограничнику.

Тот долго и неприязненно тебя спрашивает, зачем ты летишь в Германию, с лупой проверяет паспорт, требует показать обратный билет. Они здесь тесно связаны с русской тайной полицией, чуть ли не часть ее.

Наконец пограничник отпускает тебя, ты садишься в самолет Ереван—Франкфурт, и вот тогда и становится — зябко, стыдно, освобожденно. Зябко жить в творящейся на твоих глазах истории, зябко потому, что то или другое твое действие, слово могут иметь немедленные последствия. А стыдно в том числе от того, что освобожденно. Как с рождественским гусем: трудно им насладиться, когда другие его лишены.

3.

Самолет летит над Германией, на экранчике — названия немецких городов. Юношеское воспоминание: занятия по военной подготовке в мединституте, первый или второй курс. Преподаватель, майор, откупоривает ящик с надписью «Совершенно секретно» и вытаскивает оттуда карты Европы, на которых следует отметить расположение войск. Противник стоит в

Дюссельдорфе, а наша армия, предположим, в Кобленце. Противник наносит ядерный удар такой-то силы по месту нашего нахождения. Рассчитать, сколько требуется коек, госпиталей, врачей. А что мы, собственно, делаем в этом самом Кобленце? — никому и в голову не приходило спросить. И зачем бы противнику бить ядерными ракетами по своей собственной земле? — Это же понарошку. — Так нас с молодых лет готовили к преступлениям. А в детской песенке, всем известной, есть такие слова: *Может, мы обидели кого-то зря, / Календарь закроем этот лист...* — мол, ребята, не заморачивайтесь: покаяние, раскаяние — не для нас. Стыд не дым, глаза не выест. Нам не стыдно. Мы русские, с нами Бог. И вот уже пианист-виртуоз ББ высказывается по телевизору: «Я гуманитарий, музыка и все такое... Понятно, что мы там жалеем... А нельзя окружить, отключить электричество?..» — с этого момента он военный преступник. И его застенчивая улыбка («музыка, все такое») заставляет вспомнить героя фильма «Брат», убившего кучу людей, но оставшегося таким же милым и обаятельным, каким был. Впечатление, однако, что даже люди, искренне любящие русскую культуру, постепенно освобождаются от этого обаяния.

Там и сям раздаются обеспокоенные голоса: — Слышали? В Польше отменен «Борис Годунов»! — Беспокойство это представляется неуместным — во всяком случае, пока рвутся снаряды. Пушкин с Гоголем и Чехов с Толстым за себя постоят, да и мы как-нибудь справимся. А то, что украинские писатели не хотят участвовать в одних мероприятиях с русскими независимо от их политических взглядов, тоже естественно: ты ведь отправился в Армению и Германию, а не в Мариуполь и Киев.

Анкета. Доходишь до пункта Nationality — надо выбрать из списка свою. Албания, Алжир, Андорра... Как заманчиво было бы выбрать Андорру или Габон, но нет, листай дальше, до *Rußland*. Привыкай, привыкай, тебе теперь до конца твоих дней выслушивать речи: русский или не русский — не важно, есть много хороших русских людей. Можешь считать это платой за удовольствие читать Пушкина с Гоголем в оригинале.

— Вы теперь, как те немцы-антифашисты, что оказались за границей Германии с немецким паспортом на руках. Их ведь тоже воспринимали как граждан враждебной страны, — говорит немка, директор крупного культурного института.

Интервью для бельгийской газеты. Корреспондент, который берет его, очевидным образом не готов: не знает, например, что Украина входила в состав СССР, по несколько раз повторяет одни и те же вопросы: так вы, получается, против этой войны? Ты готов взорваться, наговорить резких слов. Охолони, дружок, возьми себя в руки, сбавь тон.

You'll be back in Tarusa some day and that will be a glorious homecoming! — пишет добрый американский друг. Уж чего-чего, а триумфа ожидать не придется: возвращение, если и состоится, будет вполне бесславным. Про это снято кино: Берлин, октябрь сорок пятого, юный немец с виноватой улыбкой приезжает из США с намерением помочь фатерлянду, дело заканчивается трагически. Впрочем, будущее менее предопределено, чем когда бы то ни

было: подобных катастроф на нашей памяти не было, и доля фатализма неизбежна, даже нужна.

Одна из странностей нынешней эмиграции состоит в возможности — не для всех, но для большинства — в любой момент вернуться в то место, которое мы по-прежнему называем домом, — оглянуться, не сделавшись соляным столпом. Нет, не думать о возвращении, иначе рискуешь превратиться в комического персонажа столетней давности, эмигранта из бывших, рассуждавшего в парижском, берлинском, пражском кафе о мерзавцах-большевиках и скором воцарении Романовых. Где твоя койка, там и твой дом — жизненная установка, всегда казавшаяся привлекательной. Научиться ей, сделать ее своей, проще, чем прежде думалось.

Сон из мирных времен (тарусский дом, разросшаяся сирень), постепенное пробуждение, можно застрять еще на мгновение в этом блаженном сне, удержать его. Ты еще там, где только что был, но затем открываешь глаза и явь, реальность, охватывает тебя со всей страшной силой: скоро два месяца как началась война. Человек, которому отрезали ногу, играет во сне в футбол, — тем ужасней будет момент, когда он проснется. В процессе жизни такое приходилось уже переживать несколько раз: с наибольшей силой после смерти отца. Но тогда это было делом частным, твоим, теперь же похожие чувства, вероятно, испытывает вся живая часть русской нации — те, у кого *зеленая могила, красное дыханье, гибкий смех*. С ежеутренней необходимостью решать, ради чего ты проснулся.

17 апреля 2022 г.
Таруса—Ереван—Берлин